

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

Кимитака Мацузато*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ТАТАРСТАНЕ (становление модели централизованного касикизма) [1]¹

1. К истории вопроса

Значимость Татарстана для России трудно переоценить. Татарстан экспортирует свою продукцию и нефть автономно от Москвы и получает твердую валюту напрямую. В советские времена Татарстан был мощным аграрным регионом и продолжает оставаться таковым в капиталистических условиях, благодаря протекционистской политике Минтимера Шаймиева. Татарстан обладает значительным образовательным, научным и технологическим потенциалом, что видно на примере Казанского университета [2] и Национальной академии. Благодаря специфическому варианту индустриализации, имевшему место в советский период, Татарстан не претерпел той катастрофической утраты своей титульной нации [3], которая часто наблюдается в других национальных республиках России. Напротив, татары достигли «паритета» с русскими в составе городского населения республики. Ныне население республики включает 48,5% татар, 43,3% русских, 3,7% чувашей, 0,9% украинцев, а также другие этнические группы, составляющие незначительные меньшинства [4].

В чем важность привилегированного политического статуса Татарстана в составе Российской Федерации? В Российской империи татары были единственными среди всех восточных наций, снижавшими почетный статус «уважаемого противника» (противника, который достоин уважения) [5]. Это стало возможным потому, что татары имели свой исторический опыт государственности до того, как были инкорпорированы в состав России в XVI в. Они не отреклись от ислама, несмотря на свирепую политику насильственного обращения в христианство, проводившуюся православной церк-

* *Кимитака Мацузато* — доктор юридических наук, профессор Центра славянских исследований Хоккайдского университета (г. Саппоро, Япония).

¹ Статья написана в 2000 г., т.е. до победы М. Шаймиева на республиканских президентских выборах в марте 2001 г.

вью. В дореволюционную эпоху они имели свой литературный язык, в то время как башкирам, чувашам и финно-уграм их литературные языки были дарованы советской властью. Советская эра оказалась, пожалуй, самой унижительной для татар, ввиду того что в качестве политической единицы они располагали лишь статусом АССР, так же как чувашаи, мордва, удмурты и мари, и даже более низким, чем у казахов, узбеков и киргизов — тех, к кому в имперский период татары относились как к «ученикам». Эта ситуация резко переменялась с распадом Советского Союза. М. Горбачев стремился повысить статус автономий, с тем чтобы уравновесить союзные республики в их усиливающемся сепаратизме. В противовес этому летом 1990 г. Б. Ельцин выбрал Казань в качестве места для произнесения своей знаменитой фразы «берите столько суверенитета, сколько сможете удержать». Татарстан стал первым регионом в Российской Федерации, подписавшим договор с федеральным Центром о разделении полномочий (1994).

Парадоксально, как может показаться на первый взгляд, но проводимая В. Путиным политика централизации России сделала относительно привилегированное положение Татарстана даже более зримым, чем в период ельцинского федерализма (1994–1999). В разгар парламентских дебатов относительно трех централизаторских законопроектов Путин пригласил Минтимера Шаймиева и башкирского президента Муртазу Рахимова в группу, сопровождавшую его в ходе визита в Японию для участия в переговорах с японскими официальными лицами по проблемам Северных территорий, что, собственно говоря, никак не затрагивало напрямую интересы Татарстана или Башкортостана. Назначив Сергея Кириенко на пост своего уполномоченного в Поволжском округе — единственное гражданское лицо среди семи представителей президента в федеральных округах, — он продемонстрировал тем самым уважительное отношение к Татарстану. Вместе с представителями Татарстана Кириенко организовал комиссию для согласования республиканских законодательных норм с федеральными, с тем чтобы процесс этого согласования мог бы базироваться на принципах взаимности и согласия [6]. Напротив, приведение в соответствие с федеральным законодательством Свердловской области — одного из влиятельных этнически русских регионов-доноров — предполагало командные методы. Законодательному собранию области вменили в обязанность внести поправки в областные законы в соответствии с бесчисленными протестами областной прокуратуры. Екатеринбург и Москва не создавали при этом никакой совместной

комиссии. Более того, впервые от имени Федерации координационная комиссия С. Кириенко официально признала огосударствление районных и городских властей в Татарстане, то, что система назначаемых глав администраций на местах дает «определенные позитивные результаты», а этот «эксперимент» заслуживает того, чтобы быть продолженным [7]. И это невзирая на то, что такое устройство местных властей является беспорным нарушением федеральных законов.

Вершиной преференциального отношения Путина стало его молчаливое согласие с третьим сроком президентства М. Шаймиева — еще с одним беспорным нарушением федерального закона. Асимметричный характер Российской Федерации при Путине напоминает асимметричность, сложившуюся на подступах к принятию Конституции 1993 г., когда одна республика получила привилегии, а русские регионы-доноры были поставлены в униженное положение путем их низведения до статуса бедных, дотируемых регионов. В интервью председателя Всемирного конгресса татар Индуса Тагирова, которое он дал политологу Арбахану Магомедову в середине 90-х гг., говорилось: «Давайте рассмотрим разницу между правами Татарстана и, скажем, Свердловской области. Даже будучи формально равноправными, у них различные источники этих прав. Права Татарстана — это собственный суверенитет, источник прав — народ. А права Свердловской области это спущенные права из центра, чтобы и Москве было хорошо, и области... Кто дал, тот и отнял. Были сегодня права у области, завтра — их нет, Ельцин отнял. С республиками так не поступишь, это не просто административные единицы, это ячейки культуры и традиций» [8]. Это угрожающее предположение будет реализовано Путиным через несколько лет.

2000 г. отмечен двумя этапными публикациями, которые приближают исследования Татарстана к тому уровню, которого республика заслуживает. Это — хроника политической истории Татарстана с 1988 по 1998 г., составленная Наилем Мухарьямовым [9], и монография Сергея Кондрашова, посвященная политическому процессу в Татарстане в 1988–1992 гг. [10]. В дополнение к этому — недавняя монография Арбахана Магомедова, содержащая пронизательные замечания о татарстанской политике [11]. Однако в более широких академических кругах Татарстан продолжает восприниматься просто как пример диктатуры. Например, Владимир Гельман и другие классифицируют региональные политические режимы в России в соответствии с двумя критериями: разделением

властей между элитами (доминирует или нет одна из них) и правилами состязания между этими элитами (компромисс или насилие). Гельман включает Татарстан в модель — «победитель получает все», хотя и не считает его примером силового разрешения состязания между элитами. [12]. На мой взгляд, Татарстан — это типичный пример модели «сообщества элит», гораздо более типичный, чем Нижегородская область, которую Гельман обозначает при помощи этой категории. Режим Шаймиева характеризуется наличием высокоразвитого механизма, предотвращающего конфликты между элитами. Если нет конфликта, нет и необходимости обращаться к силе. В этой развитой олигархии значительная роль принадлежит мезоэлитам, т.е. районным и городским боссам. Третий и четвертый разделы статьи будут посвящены этим вопросам.

Кондрашов делает более сильный, чем Мухарьямов и Магомедов, акцент на татарских националистических движениях как таковых и на их отношениях с республиканским руководством. Несмотря на это, его понимание, основанное на биполярности «этнического национализма», выдвигаемого татарскими националистами, и «политического национализма», представленного руководством Татарстана и нацеленного на прагматические выгоды и политическую стабильность [13], выглядит примитивным. Суть состояла не в степени радикальности, а в различной логике и философии националистов и правящих сил. Более того, биполярная интерпретация Кондрашова не отделяет татарский национализм от национализма самозащиты слабых наций, оказавшихся перед лицом угрозы полной ассимиляции (например, удмуртского национализма). Напротив, национализм сильных наций часто консолидируется в тех случаях, когда он способен выдвинуть для государства, к которому он принадлежит (будь то империя или федерация), идеи и модели государственного строительства. Это именно то, что произошло с татарстанским официальным национализмом в 1990-х гг. Следовательно, «внутренняя» политика Татарстана в последнее десятилетие тесно смыкалась с его «дипломатией» по отношению к Москве не только потому, что эта «дипломатия» была всегда жизненным вопросом во взаимоотношениях политических акторов в Татарстане, но и потому что Татарстан смог консолидировать свой статус, выдвинув для режима Ельцина так называемую «модель Татарстана». Эта проблема будет рассмотрена во второй и в пятой частях настоящей статьи.

2. Историческая легитимность: Татария как антипод России?

Историческое самосознание татар часто понимается некорректно. Это одна из причин того, почему татарстанский официальный национализм порицался за его компромиссный характер с точки зрения национального освобождения и, напротив, отношения между Москвой и Казанью понимались как исключительно враждебные. Это относится ко всем трем стадиям русско-татарских отношений: периоду так называемого «татарского ига», временам от завоевания Татарского ханства Иваном Грозным до революции 1917 г., социалистической эре.

Даже в российской историографии понятие «татарского ига» теряет свою силу убедительности вследствие возрождения евразийства. Еще меньше места для понятия «татарского ига» остается в современной татарской историографии. В 1944 г. было принято постановление Центрального Комитета ВКП(б), отвергающее ранее господствовавшую теорию, которая увязывала происхождение современных татар с Золотой Ордой. Вместо этого волжские булгары — тюрко-мусульманская общность, создавшая развитую цивилизацию в Среднем Поволжье, — стали рассматриваться как предки современных татар [14]. В ходе шедшей тогда войны с Германией и под влиянием подъема великорусского национализма после войны идея о том, что бывшие враги, унижавшие русских, вошли составной частью в РСФСР, стала восприниматься как неприемлемая [15]. В условиях убывания великорусского национализма стала превалировать умеренная версия теории болгарского происхождения татар. Согласно этой версии волжские булгары, Золотая Орда и Казанское Ханство понимались как успешно следовавшие друг за другом. Это означало, что волжские булгары были инкорпорированы в Золотую Орду как подвластный этнос, но в конечном счете ассимилировали господствующую этническую группу Орды, обратив ее в ислам (точно так же, как средневековые украинцы обращали литовских завоевателей в православие). Эта этническая смесь и породила современных татар [16].

В татарской историографии после перестройки этот умеренный взгляд на исконность татар претерпел раскол и поляризацию. С одной стороны, под названием «новый болгаризм» возродился дореволюционный болгаризм, воспринимавший нынешних татар как прямых наследников волжских булгар домонгольского периода и отвергавший посредническую роль татаро-монгольских элементов. Согласно этой школе само название нации — «татары» — яв-

ляется ложным, а татары должны вернуться к их аутентичному имени — «булгары». Защитников этого не останавливают и судебные процессы по поводу смены записи о национальности в паспортах — с «татар» на «булгар». В качестве альтернативы золотоордынская школа, акцентирующая преемственность современных татар от Орды, начала превалировать в татарской историографии, возможно, в целях легитимации государственности современного Татарстана. Это не означает того, что нынешние отношения между русскими и татарами интерпретируются как враждебные из-за несчастного прошлого, так как золотоордынская школа оказалась, грубо говоря, в союзе с евразийством в русской историографии. И те, и другие воспринимают Российскую империю — СССР не как наследницу Византии или Киевской Руси, а как потомка Золотой Орды. Таким образом, «новые булгаристы» доказывают, что титульная нация нынешнего Татарстана — это не «татары», тогда как золотоордынская школа доказывает, что не только Татарстан, но и Россия в целом — преемники Золотой Орды. Таким образом, даже с точки зрения логики обе позиции не оставляют места для понятия «татарского ига».

Золотоордынская школа адресует господствующей точке зрения в российской историографии следующие вопросы: как можно обнаружить следы Киевской Руси в России наших дней, когда не только ее политическая система и культура, но даже язык резко отличаются от древности? Не позабыли ли русские, насколько бедной и неформившейся была Киевская Русь? Благодаря чему русские смогли создать великую державу? Не потому ли, что они многому научились у Золотой Орды [17]? При помощи попыток реинтерпретации истории России сквозь призму преемственности с Золотой Ордой был подведен философский базис под политическую стратегию Шаймиева [18].

Что касается периода со времен Ивана Грозного до революции 1917 г., то большинство татарских интеллектуалов не воспринимают татар как попросту подвластную и угнетенную нацию. Татары были этнополитическим образованием, консолидированным на базе тюркомусульманской традиции и памяти о Казанском ханстве. Средневолжский бассейн был полем битвы двух традиций: русско-славянской и татарско-исламской. В случае если финно-угорское и иное тюркское население этого бассейна не желало поддаваться русификации, оно оказывалось вынужденным воспринять другую мировую цивилизацию, т.е. подвергнуться татаризации [19]. Это была логика так называемой «татарской гегемонии»,

распространявшейся даже на Центральную Азию. Царское правительство, даже будучи озабоченным по поводу гегемонии татар, не могло отказываться от использования татар для установления торговых контактов с Центральной Азией и для ее приобщения к «цивилизации». Даже сегодня многие татарские интеллектуалы открыто хвастаются тем, что «научили центральноазиатские народы грамоте и национальному самосознанию» или тем, что «совсем недавно блестящим статусным символом для центральноазиатских элит было жениться на татарках». Вот почему в глазах средневожских финно-угров, башкир и чувашей татары и русские были и остаются мазаными одним миром. Они часто воспринимают татар как более агрессивных и опасных, чем великороссы.

Более того, наряду с Киевом, Вильной (Вильнюсом), Тифлисом (Тбилиси) и т.д., Казань стала одним из субцентров в управлении империей. Казань имела «одну из первых российских гимназий, второй университет (третий, если учесть Дерптский, ныне Тартуский университет. — *К.М.*), одну из четырех русских богословских академий, администрацию учебного и военного округов для громадной части империи» [20].

В советскую эру униженный статус Татарии как АССР консолидировал татарское национальное самосознание. Несмотря на историческую престижность татар, отсутствие внешних границ не позволило Татарии стать шестнадцатой союзной республикой. В соответствии с советской потребительской иерархией этот статус сопровождался конкретными выражениями ущемленности: во время поездок во Фрунзе (Бишкек) или Ташкент, не говоря о Киеве или Вильнюсе, жители Казани чувствовали себя как попавшие из ада в рай. Статус АССР являлся серьезной травмой для татар, и обычным делом для них становилось сравнение ТАССР с союзными республиками, для того чтобы продемонстрировать собственное превосходство: «У нас более сильный индустриальный потенциал, чем у прибалтийских республик, вместе взятых», «Казанский университет один имеет больше докторов наук, чем все пять республик Средней Азии» и т.д.

В то время как татарская организация КПСС на протяжении советской эры вновь и вновь поднимала вопрос о повышении статуса республики от автономного до союзного (от создания Союза ССР в 1922 г. и до принятия сталинской Конституции в 1936 г., а также в 1960–1970 гг.), Москва старалась смягчить травму татар путем предоставления им частичных моральных и материальных привилегий. Первый секретарь Татарского обкома КПСС практи-

чески всегда был членом ЦК КПСС и в то же время членом Президиума Верховного Совета СССР [21]. Это означало, что экономическому и социальному развитию Татарстана отводился всесоюзный приоритет. Дореволюционный экономический статус Казанской губернии по существу был поднят еще выше в советский период из-за эксплуатации нефтяных ресурсов, развития военной промышленности и создания громадного автомобильного завода (будущего КамАЗа).

Способность лидеров Татарстана вырывать у Москвы конкретные уступки поднимала их авторитет — феномен, на который с завистью смотрели лидеры других автономий. Уже при старом режиме высокий статус партийных лидеров Татарстана приучил элиты республики (включая даже маргинальных полуинтеллектуалов) к сладкому вкусу лоббирования и настроил их против политики пустых лозунгов. Таким образом, с самого начала в Татарстане оставалось мало места для какой-либо принципиальной оппозиции по отношению к партийному руководству. С другой стороны, богатый опыт элит Татарстана в лоббировании на различных правительственных уровнях создал психологические, организационные и технические предпосылки для посткоммунистической «политики машин» (*machine politics*).

Если принять во внимание этот исторический контекст, нет ничего удивительного в том, что «получение союзного статуса» стало первым лозунгом, выдвинутым в Татарстане после того, как начиная с 1988 г. националистические аргументы стали терпимо восприниматься в Советском Союзе. Так как это был привычный лозунг партийного руководства в Татарстане, перехват им инициативы в националистическом движении не был трудным делом. Осенью 1988 г. первая татарская националистическая организация — Татарский общественный центр (ТОЦ) — была основана под покровительством лидеров областного комитета КПСС, одним из которых был будущий советник президента Рафаэль Хакимов [22]. По причине того, что своя организация коммунистов РСФСР и соответствующий ЦК в период до июня 1990 г. еще не существовали, лидерам коммунистов Татарстана не было необходимости уступать кому-либо в своих требованиях к руководству СССР — повысить статус Татарстана до союзной республики (т.е. отделить его от РСФСР). Партийная организация ТАССР без особого труда победила в состоявшихся впервые состязательных выборах весной 1990 г., и ее первый секретарь Минтимер Шаймиев был избран спикером республиканского Верховного Совета на его первой сессии. Он на-

брал 151 (70,9 %) депутатский голос, тогда как его националистический соперник Фаузия Байрамова набрала соответственно 38 (17,8%) [23].

Подводя итог, следует сказать: и в татарской, и в русской историографии стереотип «татарского ига» начал выходить из употребления. Большинство татарских интеллектуалов не воспринимают свой статус в Российской империи как унижительный, и даже на вершине националистического движения в начале 1990-х гг. они предпочитали бороться не столько за независимость, сколько за совершенствование своего статуса в составе Советского Союза.

3. Татарстан как рассадник авторитаризма?

В этом разделе я буду рассматривать несколько условий, при которых политический режим Татарстана стал приобретать олигархическую (не диктаторскую) природу. Более того, я буду обосновывать, что так же, как и в других подобных случаях, эта олигархия не может избежать ограничений, налагаемых либерализмом внутри элит.

Шаймиев как миротворец

В значительной мере олигархические тенденции политического режима в Татарстане коренятся в его высшем руководителе Минтимере Шариповиче Шаймиеве. В отличие от Волкова в Удмуртии (особенно когда он появился на республиканской политической сцене), от Меркушкина в Мордовии, Аяцкова в Саратове, Наздратенко в Приморье и т. д., Шаймиев является не волевым лидером, а координатором со свойствами самоограничения. Осторожный стиль руководства Шаймиева также контрастирует с активными инициаторами, такими как Лужков в Москве, Титов в Самаре и Россель в Свердловской области. Некоторые из руководителей Татарстана даже относятся к Шаймиеву как к исключительной фигуре в истории татар. С их точки зрения, постоянные расколы и внутренние схватки, которые пронизывают историю татарского националистического движения, свидетельствуют о негативных чертах татарских национальных свойств: чрезмерная эмоциональность, самодовольство и исключительное самомнение. Однако в решительный переходный момент Татарстану посчастливилось с таким лидером, как Шаймиев, который в отличие от типичных представителей своей национальности выглядит осмотрительным, прагматичным, ориентированным на компромисс и, что является исключением для лидеров его ранга, обладающим иммунитетом от

эксцессов самообожания. Вдобавок он собрал вокруг себя лидеров, близких ему по духу. Именно поэтому Татарстан оказался способным построить политический режим, достаточно стабильный для того, чтобы обезопасить свою государственность [24].

Личность Шаймиева соответствует его непривилегированному происхождению. Он родился в 1937 г. в Актанышском районе ТАССР. Его отец был практически «пожизненным» председателем колхоза. Минтимер был восьмым из девяти детей — шестым из мальчиков, четверо из которых умерли в детстве. Его родители дали ему и его старшему брату имя от татарского «железо» (тимер) в надежде на то, что они смогут выжить. В 1942 г. отец был серьезно ранен, воюя на фронте, и вернулся в деревню. Минтимер начал пасти скот и помогать в крестьянском труде еще в дошкольном возрасте, что совсем не удивительно для его поколения. В 1959 г. молодой Шаймиев оканчивает Казанский сельскохозяйственный институт и становится агрономом. После работы в Татарском областном комитете КПСС в 1967–1969 гг., в возрасте тридцати двух лет, он выдвигается на должность министра мелиорации ТАССР. Он остается на этом посту четырнадцать лет до 1983 г. Очевидно, что это застойный период в его карьере, неизбежный для человека без влиятельных патронов или блестящего образования. Однако на протяжении этих лет Шаймиев тесно сближается с районными руководителями и осваивает менеджмент «районных связей» [25].

В 1983 г. по стечению обстоятельств он выдвигается на должность вице-преьера ТАССР. Впоследствии он вновь работает в Областном комитете КПСС и в 1985 г. становится премьер-министром республики. В 1989 г. первый секретарь Татарского обкома КПСС Гумер Усманов переводится в Москву в качестве секретаря ЦК КПСС, и Шаймиев сменяет его на высшем посту ТАССР. В апреле 1990 г. он избирается спикером Верховного Совета ТАССР [26]. Как показывает его краткая биография, Шаймиев — типичный хозяйственник, публично признающий: «идеология — не моя область».

Полицентричная социоэкономическая структура

Теоретически разнообразная социоэкономическая структура в регионе (сбалансированное развитие различных секторов народного хозяйства, наличие влиятельных городов наряду с региональной столицей, развитых академических институтов, университетов, масс-медиа) должна создавать возможности для сосуществования элит. Татарстан принадлежит к этой группе удач-

ливых регионов; он имеет сильное сельское хозяйство, промышленное производство и добывающую (нефть) индустрию. Демографический и финансовый вес Казани в республике сравнительно невелик [27]. Здесь существует несколько престижных университетов и академических институтов. Даже антишаймиевские средства массовой информации могут здесь успешно функционировать. Без высокоразвитого механизма координации интересов различных элит несостязательный (но не диктаторский) режим не смог бы возникнуть в этом высоко дифференцированном обществе. В Башкортостане столица Уфа также не имеет большого веса в республике [28], но ее экономика всецело зависит от нефти, а ее академические институты и масс-медиа слабы и полностью подчинены Рахимову. Короче, социэкономическая структура Башкортостана является однополярной. Это, как кажется, лежит в основе зачастую не замечаемых различий между Татарстаном и Башкортостаном.

Выживание и взаимосвязь элит образца до 1990-х гг. и электоральной машины

Нынешние политические элиты Татарстана демонстрируют строгую преемственность с элитами, существовавшими до 1990-х, что символизируется самим Минтимером Шаймиевым. Это не говорит о том, что многие представители прежней элиты выжили до нынешних дней, и стало быть, татарстанские элиты достаточно преклонного возраста. Напротив, в то время как русские регионы отказывались от номенклатурной практики, последовательно служившей омоложению кадров, и, вследствие этого, обнаруживали тенденцию старения лидеров (т.к. они сохраняли свои позиции до тех пор, пока побеждали на выборах), руководство Татарстана унаследовало кадровую политику образца до 1990-х и омолаживало кадры в плановом порядке. В результате — лидеры Татарстана в целом молоды [29], за важным исключением самого Шаймиева. В любом случае преемственность элит, как кажется, создает возможность для взаимопонимания и компромисса между ними, настраивая их против монополии (внутрикорпоративное распределение) в вопросах благосостояния и власти.

Эволюция электоральных машин была важным следствием такой преемственности элит. Во многих регионах сверхмобилизация голосов при прежнем режиме в течение 1990–1993 гг. ослабла. Административная мобилизация голосов была вновь усилена после федеральных выборов и референдума в декабре 1993 г., и это породило нынешнюю политику «машин» в России. Как бы то ни было,

период ослабления сыграл жизненно важную роль при переходе регионов к состязательному режиму, так как имел место эффект взаимного усиления–синергии–раскола внутри элит и разделения электоральной машины. Даже меньшинство элиты, порожденное расколом внутри элит, было способно воспрепятствовать тому, чтобы быть задушенным большинством, если оно (меньшинство) имело возможность создать свою электоральную машину. Такие ожидания, как оказалось, стимулировали региональных диссидентов внутри элит бросать вызов доминирующим группам и, таким образом, создавать возможность раскола элит. Именно эффект синергии генерировал состязательные политические режимы во многих российских регионах в период после октябрьского кризиса 1993 г. и до губернаторских выборов и выборов мэров в 1996 г. [30]. Татарстан не испытал такого ослабления в 1991–1993 гг., и машина была монополизирована Шаймиевым без какой-либо прерывности. Система назначения глав местных администраций, установленная в 1994 г., институционализировала эту монополию. В рамках этой системы любой, бросивший вызов республиканскому руководству подвергается быстрой маргинализации.

Устойчивость татарских элит сохраняется в силу того, что доминируют сельские элиты. Аграрные бюрократы с Шаймиевым во главе списка образуют ядро политической власти [31], относясь к военно-промышленному комплексу как к младшему партнеру. Как ни странно, эти ныне убыточные секторы удерживают гегемонию над всей региональной элитой, а высокодоходное нефтяное лобби (располагающееся в юго-восточной части республики) «кормят» эти группы-гегемоны.

Политологи, начиная с Джерри Хога, часто подмечали, что советский вариант рекрутирования элит имел сильный сельско-аграрный уклон. Одним из доводов в пользу этого является то, что городская молодежь, которой посчастливилось в достатке получить образование и возможность продвижения, могла найти более привлекательные пути для карьеры, чем выдвижение в номенклатуру, что требовало изнурительно долгого ученичества, часто начинавшегося с поста секретаря райкома комсомола в сельских районах, и даже завершение карьеры обеспечивало элитам лишь скромный стандарт жизни, соответствовавший не более чем уровню «нижнего среднего» класса на Западе. По-видимому, сельско-аграрный уклон при рекрутировании элит был особенно силен в ТАССР. Возможно, это могло иметь место, благодаря некоторым национальным свойствам татар или традиционному курсу «коренизации», в рамках

которого при старом режиме создавались привилегии для татароязычной молодежи, преимущественно вышедшей из сельских районов. Состязательные выборы после крушения старого режима усилили этот сельский уклон. В целом мобилизация голосов и манипуляция ими легче осуществляются в сельских районах, чем в городских, и, таким образом, сельские элиты более сведущи в сборе голосов, что усиливает их политическое звучание. По тем же причинам, несмотря на усилия, предпринимаемые в течение нескольких десятилетий, ЛДП в Японии не может развиваться в городскую партию. Сходным образом «аграрная бюрократия» Татарстана, уходящая корнями в старый режим, лишь усилилась при новом режиме.

Отношения между националистической и промосковской оппозицией

Уровень авторитарной трансформации национальных республик существенным образом детерминруется возможностями объединения националистической и промосковской оппозиции [32] в целях создания противовеса республиканскому руководству. Например, отношения между тем и другим крылом оппозиции в Удмуртии были во многом дружественными. И они сплотились в противостоянии волковским амбициям, что проявилось в таких вопросах, как учреждение президентства в республике и огосударствление городов и районов. Напротив, отношения между националистической и промосковской оппозицией в Татарстане столь враждебны, что они не могут создать никакого подобия объединенного фронта, тогда как республиканское руководство легко эксплуатирует их взаимную враждебность в интересах политики этнонационализма.

Это не говорит о том, что по отдельности или вместе националисты или промосковские демократы пропагандируют расистские идеи (как это часто происходит в других частях постсоветского пространства). Напротив, и те и другие всегда заявляют, что Татарстан может быть только многонациональной территорией. Однако, если рассмотреть конкретных активистов той и другой фракций, мы увидим, что татарские националисты могли бы организовать только этнических татар, а промосковские демократы — привлечь только этнических русских. Это порождает озабоченность электората судьбами жизненно важного для Татарстана межэтнического сосуществования в случае, если к власти пришла бы одна из этих фракций. Более того, электорат продолжает воспринимать

позитивный идефикс экс-номенклатуры, будто бы она свободна от персональных этнических корней. Этот удобный для республиканского руководства идефикс представляется наследием бывшей фактически довольно ощутимой народной веры в советскую национальную политику [33]. Шаймиев действительно уделяет особое внимание межэтническому балансу. Если, к примеру, за счет бюджетных средств реставрируется мечеть, то почти обязательно по соседству будет отреставрирована православная церковь.

4. Централизованный касикизм: модель Татарстана как политический режим

О понятии централизованного касикизма

Я хотел бы рассмотреть олигархический режим Татарстана в более широком контексте компаративистской политологии, предложив понятие централизованного касикизма [34]. Касикизм — это политический режим, при котором касики, а именно местные боссы, играют роль посредничающих брокеров между должностными лицами в центре и местными сообществами. Эти боссы инкорпорируют себя в иерархию, охватывающую Центр, регионы и местности, путем политического обмена патронажа сверху на мобилизацию голосов снизу [35]. Касикизм — это не веберовская иерархия, основанная на командной субординации, а федеральная иерархия, построенная при помощи общих интересов вышестоящих и нижестоящих боссов.

Если типичный касикизм получил оформление в русских областях и краях России, где мезоэлиты обладают независимостью «де-юре», подпираемой прямыми выборами глав местных администраций, то в условиях Украины и Татарстана возникла его централизованная версия, при которой необузданный боссизм маскируется унитаристской внешностью и системой назначения упомянутых глав. Более того, несмотря на систему назначаемости, мезополитика в этих странах определяется итогами выборов. Рассмотрим это, базируясь на примерах Татарстана и Украины. На самом деле, в обеих странах мезоединицы (области, районы и города Киев и Севастополь на Украине; районы и города в Татарстане) были подввергнуты огосударствлению, и их главы назначаются президентом или губернаторами. Местное самоуправление допускается лишь для низовых административных единиц (городов, поселков и сел) на Украине и только для мелких территориальных общин (сельсоветов и уличкомов в городах) в Татарстане [36]. Однако украин-

ские и татарские мезозлиты обладают определенной независимостью по сравнению со своими коллегами в унитарной Польше. Тогда как региональные руководители в Польше в самом деле никто иные, как посланники Центра, назначаемые независимо от их места происхождения, на Украине и в Татарстане главы городов и районов, как правило, назначаются из местных руководителей.

Еще важнее, что местные главы на Украине и в Татарстане ответственны не только за различные административные функции, но и за результаты выборов на местах. К примеру, после парламентских выборов 1998 г. президент Леонид Кучма снял с должности 15 из 27 глав региональных администраций, не сумевших успешно мобилизовать голоса за тогдашнюю партию Кучмы — Народно-Демократическую партию Украины. Кучма повторил эту практику тотчас после первого тура президентских выборов 1999 г. В Татарстане главы администраций городов и районов, назначенные президентом республики Шаймиевым, обязаны выставлять свои кандидатуры и на ближайших выборах (или довыборах) депутатов Госсовета, а также городского или районного Совета своей территории [37]. Этим кандидатам-главам всегда находят вакантные депутатские посты, так как их предшественникам (бывшим главам администраций) практически вменяется в обязанность складывать с себя депутатские полномочия в случае, если Шаймиев освобождает их от должности глав администраций. Если тот или иной вновь назначенный глава не может завоевать депутатское кресло одновременно на республиканском и местном уровнях, иначе говоря, если он проигрывает одновременно обе или одну из избирательных кампаний, Шаймиев объявляет, что назначение лица, неспособного получить достаточное доверие населения, было бы ошибочным, и немедленно отправляет его в отставку. Короче, от мезозлит в Татарстане требуется самооправдание путем демонстрации их способности мобилизовать голоса, даже если главы местных администраций — лица невыборные. Такая практика дает Шаймиеву возможность одновременно сочетать достоинства систем выборности и назначаемости: испытать способность боссов к мобилизации голосов и, в то же время, обеспечить их послушание. Как было показано выше, несмотря на очевидное преобладание системы назначаемости, татарские и украинские мезозлиты далеки от «бюрократии» в веберовском смысле. Скорее мы можем обнаружить решающие свойства касикизма, а именно политический обмен голосов на патронаж между вышестоящими и нижестоящими боссами.

Следует заметить, что аналогичная комбинация политики выборности и назначаемости также имела место в этнически русских регионах до тех пор, пока в 1996 г. не был осуществлен переход к системе избираемых губернаторов и глав местных администраций. Более того, после 1996 г. якобы имевшая место в виде эксцессов деконцентрация государственной власти подтолкнула многих российских губернаторов к громким требованиям о восстановлении системы назначаемых глав местной исполнительной власти [38]. В начале своего президентства В. Путин отразил это требование в своих поправках, предложенных к Федеральному закону 1995 г. об общих принципах организации местного самоуправления, хотя парламентские поправки не позволили ему провести огосударствление районов. Таким образом, мы можем выявить громадный пространственный и хронологический ряд, которому отвечает централизованный касикизм как промежуточная политическая система между унитаризмом и де-юре деконцентрацией власти.

Суммируя приведенные выше аргументы, можно выдвинуть предположение о трех характеристиках централизованного касикизма. Во-первых, если мезоэлиты являются потенциально независимыми, то внутриэлитная легитимность существующей системы назначаемости глав местных администраций, возможно, будет оспорена. Во-вторых, татарские лидеры, вероятно, будут подталкиваться к тому, чтобы стать «экспортерами» этих правил игры, при которых число голосов играет решающую роль в межправительственных делах. В-третьих, несмотря на подавляющий авторитет Шаймиева, внутриэлитные отношения в Татарстане, скорее всего, смогут приобрести федеративный, а не командно-субординационный характер. Рассмотрим эти гипотезы ниже.

Слабая внутри-элитная легитимность системы назначаемости глав местных администраций

Система назначаемости глав местных администраций в Татарстане в основном нацелена на сохранение единой, неделимой электоральной машины, которая была призвана обеспечить победу Шаймиева на республиканских президентских выборах в 2001 г. Поскольку государственные и муниципальные органы в России служат как избирательные машины для победы действующих президента и губернаторов (хотя это незаконно), эта система назначаемости является наиболее надежной гарантией их победы.

Будучи единственным кандидатом, на республиканских президентских выборах 1996 г., Шаймиев вынужден был считаться с

проблемами муниципализации городов и районов, так же как и выборов их глав администраций. Однако, заступив на свой второй срок, эти обещания он положил на полку, в то время как Госсовет Татарстана отменил конституционный запрет на третий срок президентства. Обе эти меры очевидным образом служили делу реализации третьего срока президента Шаймиева. В связи с этим стоит отметить, что Ельцин охотно согласился с выборностью губернаторов и глав местных администраций в 1996 г. вследствие осознания невозможности для себя третьего срока президентства из-за проблем со здоровьем. Без этого переход России к системе выборных губернаторов и мэров был бы значительно более затрудненным. В противоположность Ельцину, Шаймиев был достаточно здоров для того, чтобы быть заинтересованным в выборах 2001 г.

Официально система назначаемых глав администраций оправдывается их выше отмеченными обязанностями принимать участие в выборах депутатов. Под этим предлогом Шаймиев доказывал, что главы городов и районов Татарстана являются фактически избранными [40]. Этот аргумент оборачивается определенной путаницей, если принять во внимание, что победа главы администрации на выборах депутатов доказывает наличие доверия населения лишь в одном из избирательных округов, а не на всей территории города или района. Более того, доверие по отношению к депутату категорическим образом отличается от доверия мэру или главе, чья ответственность гораздо тяжелее, чем у депутата. В целом, аргументация лидеров Татарстана касательно государственного строительства и местного самоуправления выглядит безыскусно, если не инфантильно, потому что Москва предоставила Татарстану, как это ни парадоксально, своего рода экстерриториальность, а наблюдение за Татарстаном со стороны международного сообщества было и продолжает оставаться слабым. Это сильно контрастирует, например, с теоретически четким разграничением в Удмуртии полномочий между государством и местным самоуправлением. Эта тонкость, как представляется, — следствие «удмуртского дела», когда в 1996–1998 гг. Администрация президента РФ, Конституционный суд РФ и даже Европейский Союз сплотились в своей критике по отношению к попыткам огосударствления городов и районов удмуртским республиканским руководством [41].

Вторым предлогом для системы назначаемых глав служит административная эффективность. По мнению Людмилы Андреевой — заместителя председателя Казанского городского Совета (так как главы местных администраций в Татарстане совмещают и

должности председателей местных Советов, их «заместители», на самом деле, — первые лица депутатского корпуса), Федеральный закон об общих принципах местного самоуправления от 1995 г. ошибочен, потому что выборное формирование руководства на городском и районном уровне снижает административную эффективность и ведет к необузданному боссизму. Эта ошибочность была признана в масштабах всей страны, «включая такого политика федерального масштаба, как Борис Немцов, ранее защищавшего муниципальные принципы в городах и районах, — подчеркивала Людмила Андреева. — Тогда как модель Татарстана, приближающая выборы к населению, стала восприниматься как желательная» [42]. Людмила Львова — руководитель отдела аппарата Госсовета Татарстана по связям с местными Советами — говорила: «В противоположность другим регионам, Татарстан не знает ни одного примера, когда бы мэром стал представитель криминала. Уже это оправдывает нашу систему» [43]. Более того, скандалы, окружающие мэра Владивостока, часто используются как повод для оправдания системы назначаемых глав исполнительных органов.

Даже игнорируя тот факт, что эти апологеты системы назначений не согласны с основным принципом демократии — «демократия есть право народа ошибаться», — трудно отрицать — они представляют традиционный, советский стиль мышления. Они истолковывают местное самоуправление только с точки зрения народного участия и уделяют мало внимания другому его атрибуту, а именно автономии по отношению к государству. Отметим, что эта тенденция («поощрение» первичного самоуправления для регионального или уровня мезоединиц; односторонний акцент на участии при игнорировании элементов автономии) разделяется всеми унитаристами в посткоммунистических странах от Узбекистана до Польши [44].

Невообразимо, чтобы ситуация, аналогичная Приморью, возникла в Татарстане, даже если бы состоялись выборы мэров, и шаймиевцы хорошо осознают это. Несмотря на это их частые ссылки на Приморье заслуживают нашего внимания, потому что эти ссылки показывают, насколько серьезны опасения внутриэлитного раскола.

Может показаться странным, что Л. Андреева — лидер депутатов в городе с миллионным населением — отстаивает немunicipальный статус своего города. Однако Казань, испытывающая финансовые трудности из-за преобладающей, ныне убыточной военной промышленности, представляет собой редкий для России пример региональной столицы, серьезно субсидируемой из региональ-

ного бюджета. Естественно, что Казань не может бросить вызов республиканскому руководству. В противоположность этому, руководители города Альметьевска — центра нефтедобывающей юго-восточной части республики — недовольны отсутствием муниципального статуса города и призывали — открыто и молчаливо — к выборам мэров [45]. Рафгат Алтынбаев — бывший мэр города Набережные Челны, где расположен известный КамАЗ, — поддержал это [46]. Сам КамАЗ находится в катастрофической ситуации, но остаточный жар прежней репутации КамАЗа, некогда собравшего сливки советских инженеров и квалифицированных рабочих, а также самостоятельность Алтынбаева позволяли Набережным Челнам пользоваться определенной автономией по отношению к республиканскому руководству.

Альметьевск и Набережные Челны представляют собой исключительно влиятельные города республики, но это не означает, что лидеры этих городов отчуждены от других субрегиональных руководителей в своей приверженности выборам мэров. Опрос, проведенный среди субрегиональных руководителей республиканским руководством, показал, что почти девяносто процентов из них считают систему избираемых мэров желательной [48]. Игорь Жуков — заместитель председателя объединенного Елабужского городского и районного Совета (вновь обратим внимание, что в Татарстане заместитель председателя Совета представляет собой первую фигуру среди депутатов) — следующим образом обобщает критицизм субрегиональных элит по отношению к системе назначения глав: «На протяжении первой половины 1990-х гг. мы хвалили себя за «мягкое вхождение» в рыночную экономику. Но точно по этой же причине Татарстан сейчас испытывает больше экономических проблем, чем другие регионы. Это же произойдет по отношению к огосударствлению городов и районов; самовосхваление возможно лишь сиюминутно. В рамках этой системы нет стимулов для того, чтобы управлять лучше, потому что все финансовые излишки, полученные за счет рационального управления, забираются республиканским руководством. Поэтому система огосударствленных городов и районов достигнет своего тупика так же, как и социализм достиг своей мертвой точки» [49].

Советник Шаймиева Рафаэль Хакимов отмечает, что выборы глав местных администраций по сравнению с системой назначений облегчат контроль над ними [50], но такая дальновидная точка зрения является исключением среди руководителей республиканского уровня.

Другой момент, на который нам необходимо обратить внимание, состоит в следующем: несмотря на то что главы местных администраций назначаются Шаймиевым, они, вследствие вышеотмеченной обязанности баллотироваться на выборах в депутаты, совмещают и должности председателей местных Советов своей территории, а также должность депутата Госсовета республики. В русских же регионах большинство всенародно избираемых мэров и глав районов не пользуются таким сильным статусом, основанным на совмещении трех должностей. Последнее по порядку, но не по значимости: при этой системе совмещения трех должностей, когда между Шаймиевым и главами местных администраций возникает конфликт, почти автоматически формируется сильная оппозиция в Госсовете Татарстана, как это было в ходе «мятежа Алтынбаева» в 1998 г. (см. ниже).

Электоральные возможности: ресурс для более выгодных переговоров с Москвой

Ультра-мобилизация голосов, существовавшая в период до 1990-х гг., развилась в Татарстане в нынешнюю «политику машин» без какой-либо прерывности. Еще в 1993 г. шаймиевцы стали использовать эту экстраординарную избирательную эффективность для того, чтобы сделать свои переговоры с Москвой более успешными. Это имеет большее значение, чем избирательные возможности сами по себе, так как не только крайне мобилизационный характер выборов, но и наличие политического обмена между вышестоящими и нижестоящими боссами, в рамках которого эти избирательные возможности служат в качестве инструмента посредничества, является непременным атрибутом каскизма.

Инициированный в марте 1991 г. руководством РСФСР референдум о введении института российского президентства в Татарстане не состоялся. Состоялся лишь референдум на предмет сохранения «обновленного» Советского Союза. Население активно поддержало идею сохранения СССР (87,5% действительных бюллетеней в Татарстане содержали положительный ответ по сравнению с 71,3% — по России в целом).

Республиканское руководство саботировало выборы президента России в июне 1991 г. — в итоге только 36,6% электората пришло голосовать, в то время как по России в целом уровень активности избирателей составил 76,7%. Избиратели в тот же день приняли участие лишь в выборах президента республики, и Шаймиев — единственный кандидат — выиграл, получив 71% голосов в действительных бюллетенях.

В 1992 г. в ходе крайне враждебных отношений с Центром состоялся другой референдум — на предмет «суверенитета» Татарстана и его статуса в качестве «субъекта международного права». 82% электората принял участие в голосовании, и 61% голосовавших поддержали вышеотмеченную формулу. Принимая во внимание злобную антишаймиевскую кампанию, организованную Верховным Советом РФ, Конституционным судом РФ и российскими средствами массовой информации, это — результат, достойный восхищения.

В начале 1993 г. Татарстан поставил вопрос о двусторонних переговорах с федеральным руководством на предмет разграничения полномочий. Это был момент, когда сторонники Шаймиева начали использовать свои избирательные возможности для оказания давления на Москву. Шаймиев предупредил, что в случае, если договор о разделении власти с Россией не будет подписан до апрельского референдума, от которого зависело будущее баланса власти между Ельциным и Верховным Советом РФ, электорат в Татарстане может не дать голосов в пользу Ельцина [51]. Договор не был подписан к апрельскому референдуму, и, в соответствии с угрозами, руководство Татарстана вновь саботировало референдум. Активность избирателей в регионе составила лишь 22,6% по сравнению с 64,1% по России в целом [52].

Неудивительно, что такой эффективный бойкот был повторен в ходе федеральных выборов и референдума по конституции в декабре 1993 г. после октябрьского инцидента. Явка избирателей составила только 13,4%! Также неудивительно, что шаймиевцы использовали этот результат для того, чтобы склонить Москву к компромиссу. Отличительным моментом на этот раз стала реакция Москвы. Испытывая политический кризис после расстрела парламента и, в особенности, после неожиданного поражения на федеральных выборах в декабре 1993 г., президентская команда не могла больше игнорировать требования, раздающиеся из столь влиятельного региона, каким является Татарстан. Всего два месяца спустя после последнего бойкота со стороны Татарстана эпохальный договор о разграничении полномочий между Россией и Татарстаном был подписан. Шаймиевцы изменили курс, послав своих представителей во вновь рожденный российский парламент, и дополнительные выборы в марте 1994 г. обернулись успехом — активностью избирателей в 58,5%. Стоит отметить, что динамика порайонной активности голосования обнаружила обратную корреляцию между выборами в декабре (1993 г.) и в марте (1994 г.). В Ак-

таньшском и Атнинском районах, где в декабре проголосовали «едва ли не единицы», в марте был установлен 90-процентный рекорд явки [53]. Этот феномен свидетельствует о том, что в сельских районах Татарстана избиратели не многим лучше послушных овец, которые голосуют или не голосуют точно под диктовку местных боссов.

Если сопоставить Татарстан с другими регионами, нетрудно оценить в качестве инновационного тот путь, на котором шаймиевцы старались использовать свои избирательные возможности в качестве политического ресурса при давлении на Москву до 1993 г. и смогли вынудить Москву согласиться с этими «правилами игры» в 1994 г. Например, свердловский губернатор Эдуард Россель только к январю 1996 г. смог добиться признания со стороны Ельцина путем демонстрации впечатляющих результатов голосования на губернаторских выборах 1995 г. Росселю удалось заключить договор с федеральными властями о разделении полномочий в обмен на свое обещание поддержки Ельцина на предстоящих президентских выборах. В масштабах страны эти «правила игры» — а именно когда региональные лидеры подтверждают свою «силу» на выборах, а федеральные элиты решают, как относиться к этим лидерам, принимая во внимание итоги выборов (к примеру, поддерживать или не поддерживать действующих губернаторов на выборах, а если поддерживать, то в какой мере и насколько серьезно), — были установлены в ходе избирательного цикла 1996–1997 гг. Очевидно, насколько «прогрессивными» были отношения между Москвой и Казанью с той точки зрения, что это правило было установлено не позднее 1994 г.

Президентские выборы в республике в марте 1996 г. продемонстрировали окончательное политическое и организационное оформление режима Шаймиева [54]. На этих выборах результат предопределился пресловутой статьей «о семи процентах» (статья 32 республиканского закона о выборах). Для сбора подписей избирателей как условия регистрации кандидатов был установлен очень короткий срок (три или четыре недели). Уже это делало регистрацию затруднительной для любого претендента; однако, чтобы иметь двойную уверенность в успехе действующего президента, статья 32 предписывала, что на каждой административной территории должно быть собрано не менее семи процентов подписей избирателей. Иными словами, от лица, желающего принять участие в президентской гонке, требовалось собрать 50 тысяч подписей в поддержку его кандидатуры, но при этом он не имел права собрать

более 3 500 подписей (7% от 50 000) ни в Верхнеуслонском районе с населением в 19 тысяч, ни в Ленинском районе города Казани с населением в 280 тысяч [55]. Очевидно, что никто, кроме действующего президента, не смог бы собрать 50 тысяч подписей, соблюдая эти крайне жесткие требования. В самом деле, Шаймиев прошел через вторые «безальтернативные» выборы после первых в 1991 г. [56].

Советник президента Рафаэль Хакимов утверждает, что они вовсе не стремились к «безальтернативным» выборам. Коммунисты могли бы выдвинуть своего кандидата, если бы постарались. Однако непосредственно в преддверии выборов российского президента они не хотели разочаровывать лагерь Зюганова своим участием в выборах, в которых любой кандидат кроме Шаймиева был обречен на поражение и, следовательно, решили не бросать вызов Шаймиеву под тем предлогом, что процедура была недемократичной [57].

Соглашаясь или не соглашаясь с разъяснениями Хакимова, мы полагаем, что «безальтернативные» выборы не были самоцелью для шаймиевцев. Наиболее желательным для них было бы, если бы кандидат от КПРФ или абстрактный кандидат-демократ (например, от «Яблока») принял участие в президентской гонке и был, как ожидалось, сокрушительно повержен. С другой стороны, шаймиевцы не потерпели бы ситуации, при которой кандидат из элит, например, мэр Казани или Набережных Челнов, представитель нефтяного лобби и т.д. мог бы участвовать в президентской гонке. В настоящий момент Шаймиев способен предотвратить вызов изнутри элит цивилизованными (политическими) методами. Что бы случилось, если бы кто-то из состава элит бросил вызов Шаймиеву? К сожалению, я не исключаю возможности того, что шаймиевцы могут кардинально снизить шансы на состязательные выборы незаконным использованием избирательных процедур, как это было осуществлено их башкортостанскими «товарищами» в 1998 г. Даже тот факт, что со своим нынешним авторитетом Шаймиев победил бы даже сильных соперников, похоже, не утешает его сторонников. Централизованный каскизм в «сильных республиках» в России по природе несовместим с расколом внутри элит, и, следовательно, доминирующие фракции не могут быть удовлетворены победой со счетом 6:4 или даже 7:3, что считается идеалом в русских регионах (или при любом нормальном демократическом режиме).

Таким образом, выборы президента Татарстана в марте 1996 г. обернулись голосованием по доверию Шаймиеву, который факти-

чески смог воспроизвести «советские выборы», если не считать чуть более низкого участия в голосовании (77,9%). 97,1% (!) проголосовавших избирателей выказали доверие Шаймиеву.

Три месяца спустя во время российских президентских выборов избирательная машина в Татарстане вновь продемонстрировала свои возможности. Как результат, Татарстан, наряду с Дагестаном и Мордовией, добавил свое имя к почетному списку национальных республик, в которых корреляция голосов между первым и вторым турами была, мягко говоря, крайне неестественной. В первом туре Шаймиев явно еще не пришел в себя от головокружительной победы трехмесячной давности и позволил расслабиться своей гвардии. Для его послушного электората достаточно, как он решил, заявить о своей поддержке Ельцина. Неожиданно голоса в Татарстане разделились в первом туре между Ельциным и Зюгановым пятьдесят на пятьдесят [58]. Среди прочего шаймиевцы были напуганы тем фактом, что Зюганов смог набрать больше голосов в сельских районах с преобладанием татарского населения, чем на территориях, где преобладают русские. В Республике Саха-Якутия, к примеру, результаты были более «естественными» в том смысле, что районы с преобладающим якутским населением голосовали за Ельцина, тогда как территории с преобладающим русским населением — за Зюганова [59]. Не удивительно, что Шаймиев почувствовал себя оскорбленным. Он срочно созвал в Казань руководителей местной власти и разъяснил им: «избиратели голосовали не против Ельцина, они голосовали против вас. Они поддержали коммунистов, потому что вы полностью заняты доставкой джипов и строительством коттеджей». Это было предупреждением: если главы администраций повторят столь жалкий результат во втором туре, то Шаймиев не остановится перед их увольнением. Предупреждение это было столь действенным, что Ельцин во втором туре завоевал голосов чуть ли не вдвое больше, чем Зюганов [60]. Такое происходит, и нет нужды говорить о том, что столь фантастически непостоянное электоральное поведение не поддается объяснению при помощи какой-либо формулы западной политической науки.

Беспощадные правила касикизма получили воплощение не только в шаймиевских победах, но также и в поражениях. После поражения «Всей России» на выборах 1999 г. он запрыгнул в путинский вагон победителей. Предельная мобилизация голосов в пользу Путина в Татарстане во время российских президентских выборов в марте 2000 г. обеспечила базис для их примирения.

Стоит отметить, что Татарстан обладает в Российской Федерации привилегированным статусом не в силу раз и навсегда достигнутого эффекта от договора 1994 г. о разграничении полномочий, но потому, что Шаймиев в каждый критический момент демонстрировал верность Ельцину любой ценой. Вследствие этого Татарстан оказался способным инициировать процесс строительства касикизма во всероссийском масштабе в 1994–1996 гг., на основе которого федеральные, региональные и субрегиональные боссы образуют политическую иерархию по оси их избирательных возможностей.

Федеративные отношения внутри элит: мятеж Алтынбаева

Федеративные отношения внутри элит в Татарстане были продемонстрированы в ходе так называемого мятежа Алтынбаева, имевшего место в мае 1998 г. Это было серьезное испытание для режима Шаймиева, который после выборов Государственного Совета республики 1995 г. и особенно после президентских выборов 1996 г. выглядел непоколебимо.

Весной 1998 г. Василий Лихачев [61] — спикер Госсовета Татарстана — был назначен представителем Российской Федерации в Европейском Союзе и направлен в Брюссель. Таким образом, Госсовет должен был избрать нового спикера. До этого момента баланс внутри элиты был соблюден — Шаймиев (татарин) — президент, Лихачев (русский) — спикер Госсовета и Фарит Мухаметшин (татарин) [62] — премьер-министр республики. Однако после того как Лихачев публично выразил желание покинуть пост, кадровая политика Шаймиева создала ситуацию, достаточно критическую для того, чтобы сгладить значение межэтнических проблем. Шаймиев хотел посадить в кресло премьера своего фаворита — 41-летнего Рустама Минниханова, тогдашнего министра финансов [63], и в этих целях постарался вернуть на пост спикера Госсовета бывшего на тот момент премьер-министром Мухаметшина, который до Лихачева возглавлял Госсовет РТ (с 1992 по 1995 г.). Уже это показалось проявлением разовых ротаций в составе горстки шаймиевских фаворитов. Более того, такая ротация была абсолютно неприемлема для глав местных администраций, составлявших ядро Госсовета, по той причине, что Минниханов как министр финансов прославился своими усилиями по централизации республиканского бюджета в ущерб интересам этих местных боссов. Как следствие, некоторое число глав районных администраций постаралось выдвинуть *первого среди равных* — Рафгата Алтынбаева [64], мэра Набереж-

ных Челнов с 1990 г. — кандидатом на пост спикера Госсовета РТ [65]. Охота алтынбаевцев за голосами происходила в строгой секретности, и об участии Алтынбаева в выборах председателя Госсовета было публично объявлено только на заседании Президиума Госсовета, а именно накануне предстоящей сессии. Напуганный Шаймиев немедленно собрал в своей резиденции для подготовки контрудара представителя КГБ (за этим органом в Татарстане название было сохранено), мэра Казани, который контролирует депутатов, избранных по Казани, премьер-министра Мухаметшина. На следующее утро непосредственно перед началом сессии Госсовета Шаймиев лично встретился с Алтынбаевым, которому была предложена должность премьер-министра. Во имя сохранения лица перед депутатами и местными главами, обещавшими ему поддержку, Алтынбаев от поста отказался. В ходе сессии Алтынбаев как кандидат на должность спикера взял обязательство провести закон о Кабинете министров для повышения полномочий Госсовета в области кадровой политики и усилить местное самоуправление. Здесь Алтынбаев подразумевал «местное самоуправление» не в специфически татарском смысле, т.е. не в плане мелкотерриториального полу-управления, а как местное самоуправление в обычном значении. Другими словами, Алтынбаев обещал консолидировать власть субрегиональных элит Татарстана. Несмотря на это, выиграл Мухаметшин, набравший 77 голосов против 50 алтынбаевских. Согласно пожеланиям Шаймиева, премьером стал Минниханов [66].

Оппозиционная журналистика пришла в кипение по поводу этого события. «Вечерняя Казань» возбужденно сообщала: «прозвенел первый звонок к будущему спектаклю под названием «Президентские выборы Республики Татарстан». Похоже, в 2001 г. у Шаймиева могут появиться мощные соперники» [67]. К сожалению, эти ожидания по ходу развития событий не оправдались. Новый премьер-министр Минниханов оставил свое грубое отношение к субрегиональным элитам и устранил причину их беспокойства. Минниханов — это не Гайдар. Несмотря на молодость, он являет собой типичного члена татарской элиты, возвращенного в той же среде, с которой временно оказался в конфронтации, будучи министром финансов. Родившись на селе, он стал выпускником Казанского сельскохозяйственного института, работал председателем райисполкома, а потом главой районной администрации.

Сторонники Алтынбаева оказались в изоляции, как бы «удушенными шелковой ватой» [японское идиоматическое выражение, означающее быть постепенно разрушенным при помощи опосредо-

ванных способов]. Как казалось, не было прямого давления персонально на Алтынбаева, о чем он свидетельствует лично. Однако, будучи мэром Набережных Челнов с 1990 г., он давно достиг потолка в своем продвижении, останься он работать в республике. Он был измотан катастрофической ситуацией на КамАЗе [68]. Узнав, что он навлек на себя недовольство Шаймиева, несколько московских политиков предложили ему должность. Однако Алтынбаев продолжал оставаться мэром Набережных Челнов еще год не только из-за преданности городу, но по причине частых перетасовок российских премьер-министров, что отнюдь не воодушевляло его на работу в московских министерствах. Только весной 1999 г. Алтынбаев покинул кресло мэра города [69], и, по-видимому, в ответ на предложение своего патрона Николая Аксененко — тогдашнего российского вице-преьера — он в июне переехал в Москву, для того чтобы стать заместителем министра сельского хозяйства.

Я интервьюировал Алтынбаева сразу после того, как он принял должность в министерстве. Он сказал, что никогда не считал себя оппонентом Шаймиева. Напротив, Шаймиев всегда побуждал внимательно наблюдать за ним и учиться тому, что у Шаймиева есть, а у него нет, к примеру, дальновидной мудрости Шаймиева. Алтынбаеву не нравились лишь некоторые из шаймиевских приспешников, с которыми трудно было разделять понятие «вместе», даже если они и Алтынбаев соглашались «работать вместе». Следующие слова Алтынбаева, как кажется, выражают не только его политическую философию, но и всей элиты Татарстана: «Плохо, когда нет альтернативы, но альтернатива ради альтернативности также плоха». С точки зрения Алтынбаева, экономика Татарстана не выглядит плохо по сравнению с другими регионами, и нынешнее стабильное межэтническое сосуществование не было легко достигнуто.

По иронии, когда Госсовет Татарстана отменил конституционный запрет на третий президентский срок, Алтынбаев был одним из инициаторов этой меры. Ожидавший многих неприятных событий Алтынбаев до сих пор уверен: он не сделал никаких ошибок. Шаймиев должен занять пост на третий срок для того, чтобы «вести республику к цивилизованному, нормальному обществу», — подчеркивает Алтынбаев. «И я не буду баллотироваться в президенты в 2001 г.» [70], — заверил он. Трудно судить, в какой мере мы можем понять его реальные намерения, основываясь на этом интервью, но одно меня поразило: Алтынбаев говорил о Шаймиеве почти так же, как сын говорит об отце.

События, связанные с мятежом Алтынбаева, и их последствия показывают: отношения между республиканской и местной элитами в Татарстане носят федеративный характер. Когда происходит разделение интересов, мятежи весьма возможны, но когда общность интересов восстанавливается, кризис незамедлительно рассеивается.

5. Модель Татарстана как политическая тактика

Возвращаясь назад, рассмотрим другой аспект модели Татарстана — его политическую тактику. Этот аспект чрезвычайно значим вследствие того, что Татарстан претерпел серьезные испытания после парламентских выборов 1999 года. Таким образом, анализ, содержащийся в данном разделе, поможет также в предсказании будущей судьбы этого режима.

Циклы кризисов и восстановления равновесия в 1990–1994 гг.

Татарстан прошел через три политических цикла в 1990–1994 гг.: кризис (фаза А), затем — соглашение и восстановление равновесия (фаза Б) и в последующем — разрушение условий этого соглашения из-за внешних факторов, таких как августовский путч и октябрьский инцидент (фаза В).

Первый кризис (фаза А-1) был вызван выборами Советов весной 1990 г. Это случилось не только потому, что эти выборы разрушили монополию КПСС на власть, но, скорее, по той причине, что спикером Верховного Совета РСФСР в мае 1990 г. был избран Б. Ельцин. Теперь, после того как Ельцин встал во главе России, удобный для номенклатуры традиционный лозунг «превращения в союзную республику» стал означать вызов по отношению к Ельцину, а также опосредованную поддержку Горбачева в его борьбе с Ельциным. Это было неприемлемо для промосковских демократов в Татарстане, и их отношения с татарскими националистами приобрели крайне напряженный характер. Декларация «О государственном суверенитете Республики Татарстан», принятая 30 августа 1990 г. после жарких дебатов на второй сессии Верховного Совета республики, стала продуктом компромисса, включающего два момента. Первый — в документе декларировалось «равенство татарского и русского языков как государственных языков Татарстана», что стало данью уважения татарским националистам. Второй — декларация не касалась традиционного требования «превращения в союзную республику», вместо чего на первый план

было выдвинуто смутное понятие «суверенитета», по-разному интерпретировавшееся до этого и по-разному понимаемое впоследствии. Декларации о суверенитете, принятые в этот период другими республиками, подразумевали, как хорошо известно, центробежные тенденции. Для Татарстана, наоборот, декларация о суверенитете означала шаг назад от его традиционного и ясного требования «статуса союзной республики» в тех целях, чтобы промосковские демократы, не желавшие бросать вызов Ельцину, могли сохранить лицо. В воспоминаниях депутатов еще свежи были слова Ельцина, сказанные им во время визита в Казань буквально несколькими неделями раньше: «Берите столько суверенитета, сколько сможете удержать».

Августовская 1990 г. декларация о суверенитете не только привела Татарстан к восстановлению равновесия (фаза Б-1), но также заложила краеугольный камень под будущее развитие режима Шаймиева. Во-первых, это смягчило этнический конфликт в республике через провозглашение двуязычия. Во-вторых, декларация утвердила основы для отношения шаймиевцев к Москве, т.е. оперативное использование неопределенности (двусмысленности). После этого Казань никогда не станет сжигать мосты ради какой-то теоретической чистоты. В-третьих, за короткий период от выборов Советов в марте-апреле до декларации в августе 1990 г. шаймиевцы стали знатоками в области этнонационализма, тогда как и националисты, и промосковские демократы обнаружили свою некомпетентность, которая со временем будет становиться все более и более очевидной.

Стабильность, установленная с принятием декларации о суверенитете, была консолидирована «безальтернативной» победой Шаймиева на президентских выборах в республике в июне 1991 г., но была далее разрушена августовским путчем (фаза В-1). Стоило стратегии по реорганизации Советского Союза потерпеть банкротство и сепаратистским тенденциям в союзных республиках стать необратимыми, как радикальные татарские националисты, требовавшие полной независимости Татарстана, стали организационно обособляться от существовавшего татарского национального движения. В феврале 1992 г. эти радикальные националисты создали Курултай и выбрали орган, который назвали Милли Меджлис [парламент] (фаза А-2). Таким образом, в 1992 г. республиканское руководство было вынуждено воевать на два фронта — и против радикальных татарских националистов, и против российских властей, усиливших свои унитаристские тенденции после развала Советско-

го Союза. Б. Ельцин как Верховный главнокомандующий Российской армии переместил две дивизии в сторону от Татарстана и продолжил маневры в соседней Ульяновской области и Мари Эл. Спикер Верховного Совета РФ Руслан Хазбулатов хвастливо заявлял, что Российская армия может оккупировать Казань и «привезти Шаймиева в Москву в клетке, точно так же как Екатерина II поступила с Емельяном Пугачевым». Для преодоления этих провокаций Татарстан прибегнул ко второму референдуму, вновь с запутанным вопросом: за или против «суверенитета» и «субъектности в международном праве». Однако для того чтобы успокоить тревоги населения, Шаймиев дал понять, что это не означает буквальной независимости от России, отделив таким образом республиканское руководство от радикальных националистов. Итоги этого референдума дали возможность Татарстану наряду с Чечней отказаться в 1992 г. от участия в Федеративном договоре.

В июне 1992 г. прошаймиевски настроенные националисты создали первый Всемирный конгресс татар в целях перехвата инициативы в этническом татарском движении (отличаемом от татарстанского регионализма) из рук радикальных националистов [71]. В ноябре того же года была принята Конституция республики. Во внутреннем плане конституция обобщила полуторагодичный опыт президентства в Татарстане. Татарстан остановился на президентско-парламентской системе, тогда как большинство русских регионов — на чисто президентских системах. Этот выбор лишний раз свидетельствует об олигархическом характере режима Шаймиева. Конституция определила отношения с Москвой как «ассоциированные» (другими словами, ни федеративные, ни конфедеративные отношения, т.е. — вновь запутанное определение). Таким образом, Татарстан вошел в фазу Б-2. Основываясь на этой относительной стабильности, весной 1993 г. Татарстан саботировал российский референдум и отозвал своих представителей с Конституционного совещания.

События октября 1993 г. и опубликованный проект ельцинской Конституции (перечеркивавший практически все обещания, которые были даны национальным республикам) ввергли политику Татарстана в новый кризис (фаза В-2). Возродившийся татарский национализм выступил с громкими призывами к безоговорочной независимости от Москвы, дискредитировавшей себя ловлей рыбы в мутной воде (фаза А-3). Мы уже рассмотрели, как шаймиевцы преодолели этот кризис при помощи сочетания выборных маневров с прагматической дипломатией (в заключение — фаза Б-3).

Примечательно, что за громкими обвинениями никогда не прекращались двусторонние переговоры между Казанью и Москвой даже в самые критические моменты — в период республиканского референдума в марте 1992 г. [72] и сразу после октябрьского инцидента. Молчаливо воспринимая асимметричную федерацию как наиболее желательную, руководство Татарстана подходило к выбору тактики рационально. Для него многосторонние переговоры были ареной декларативной дипломатии, тогда как реальные интересы преследовались на двусторонних переговорах. Между двенадцатью министерствами в России и Татарстане были организованы 12 рабочих комиссий [73]. Допуская, что в каждой комиссии работало по 10 человек, можно предположить, что в общей сложности 120 должностных лиц было постоянно занято в деятельности межправительственных рабочих групп. Это делало невозможным какой-либо сценарий чеченского типа. Собственно, «жесткая риторика и правовые маневры по конституционным вопросам представляли собой не более чем дымовую завесу, маскирующую интенсивную деятельность на основе соглашения между правящими элитами Казани и Москвы относительно сфер, представляющих взаимный интерес, и ответственности» [74].

Характерным для этого процесса в целом был тот факт, что в Татарстане, в отличие от других национальных республик России, частые ссылки на суверенитет играли сдерживающую (антисепаратистскую) роль. В 1990 г. понятие суверенитета было выдвинуто, чтобы успокоить промосковских демократов. В 1992–1993 гг. это было нацелено на сдерживание радикальных националистов. Подобное использование проблем «суверенитета» предполагает еще и другие характеристики политики Татарстана, а именно — правовой нигилизм республиканского руководства. Другими словами, шаймиевцы попросту использовали «право как дополнение к политике» для определенных выгод. Чтобы не сжигать корабли во имя юридической чистоты, они никогда не давали четких ответов на такие вопросы, как «хотите ли вы федерацию или конфедерацию?», «что более предпочтительно — симметричная или асимметричная федерация?». В этом — существо модели Татарстана, которая отличается и от прибалтийской, и чеченской модели.

После договора о разграничении полномочий: конец героической эпохи

В период, обозначенный заключением договора с Москвой о разграничении полномочий в феврале 1994 г. и выборами Госсовета

та РТ в марте следующего года, режим Шаймиева стал более авторитарным. Именно в этот период была окончательно консолидирована система назначения глав местных администраций. Одна из причин перехода к авторитаризму состояла в том, что прежние политические проблемы рассеялись, а с ними — и нужда в этнонационализме. Если радикальные националисты были недовольны политическим каркасом (суверенитет + договор о разграничении полномочий), сконструированным к 1994 г., то им оставалось мало альтернатив, за исключением того, чтобы придерживаться программы-максимум, а именно — независимости Татарстана. Однако в какой мере электорат считал это реалистическим выбором? С тех пор как между Ельциным и Шаймиевым состоялось — через договор о разграничении полномочий — примирение, промосковские демократы утратили свое место на политической арене Татарстана. Собственно, Шаймиев сделал все что можно для победы Ельцина на выборах 1996 г. в Татарстане — в республике с довольно патерналистской политической культурой и поэтому с потенциально левой ориентацией. Для критики Шаймиева с демократических позиций не оставалось ничего иного, как вести такую критику с абстрактных позиций процедурной демократии, как это делало «Яблоко», и не было похоже на то, что это позволяет завоевать популярность среди избирателей.

В противоположность другим российским регионам, где самый дух политики был рассеян реформами Гайдара, в Татарстане жаркие политические сезоны длились до 1994 г. Не удивительно поэтому, что население Татарстана в конце концов устало от политики. Существует и такое наблюдение из области любительской антропологии: когда татары начинают испытывать усталость от политики, на передний план выходит их национальная традиция — покорность властям. При выборах республиканского Госсовета РТ на кону было 130 депутатских мест. В ходе этих выборов шаймиевцы развернули кампанию — «голосуй за крепких хозяйственников (опытных управленцев)», словно бы предвидя организованную несколько месяцев спустя общенациональную кампанию Виктора Черномырдина и его партии «Наш дом — Россия». Данная кампания проходила в соединении с диффамацией по отношению к оппозиционно настроенным депутатам Верховного Совета Татарстана (националистам и тем, кто настроен промосковски). Они были подвергнуты атакам как «популисты», «демагоги», «болтуны, лишённые всяких деловых способностей». Как хорошо известно, кампания с призывами голосовать за «опытных управленцев» в

российских масштабах дала осечку, но в Татарстане, к сожалению, она привела к громогласной победе. Республиканский Избирком не допустил к регистрации Ивана Грачева под тем предлогом, что в декабре 1993 г. он был избран в Госдуму РФ (поэтому, по мнению Избиркома, после этого его местожительством должна была стать Москва, а не Татарстан) [75]. Фаузия Байрамова — персональное воплощение татарского националистического движения — проиграла выборы. Все это вместе обернулось тем, что в Госсовет были избраны лишь один промосковский демократ, один радикальный националист и 4 депутата от КПРФ. С другой же стороны, теперь 112 из 130 депутатов — это ведущие должностные лица из государственных институтов, руководители предприятий и органов здравоохранения. 51 из 61 главы местных администраций в Татарстане (т.е. около половины всех депутатов) стали депутатами вследствие вышеотмеченной обязанности для глав местных администраций участвовать в выборах [76].

По окончании срока полномочий Верховного Совета РТ в 1995 г. грузовики, перевозящие его рабочие документы в архив, выстроились в очередь. Такова была оценка работы, проделанной Верховным Советом. По иронии, это был тот самый непокорный парламент, который как никто другой выявил политическое искусство Шаймиева. Как показал мятеж Алтынбаева, избранный в 1995 г. Госсовет РТ имел потенциал для того, чтобы играть более важную роль противовеса президентской власти, чем это можно было бы ожидать с учетом его политической композиции. Несмотря на это, следующие впечатления Ренара Мусаева — ведущего специалиста департамента по делам государственной службы в администрации президента республики — выглядят убедительно:

«Парламент, избранный в 1990 г., был более интересным, имел больше альтернатив и принимал более взвешенные решения. Кроме всего прочего, среди его депутатов было больше выдающихся личностей. Нынешний парламент в большей мере подконтролен, больше ориентирован на конкретные вопросы и включает меньше ярких депутатов, так как многие из его нынешнего состава стали депутатами по должности» [77].

Развитие после 1999 г.

После финансового кризиса 1998 г. администрация Ельцина очутилась на смертном одре. Неудивительно, что именно региональные лидеры прежде всего стали теми, кто первым предложил

проект постельцинского правления. В июне 1999 г. несколько выдающихся региональных лидеров — таких как Шаймиев, президент Башкортостана Муртаза Рахимов, мэр Санкт-Петербурга Владимир Яковлев — основали политическую организацию «Вся Россия». Идея такой организации связана своим происхождением с Олегом Морозовым — депутатом Российской Государственной Думы от Татарстана, лидером депутатской группы «Российские регионы». В августе 1999 г. «Вся Россия» объединилась с «Отечеством», руководимым мэром Москвы Ю. Лужковым. Новая организация «Отечество — Вся Россия» (ОВР) добилась успеха в том, чтобы получить в качестве своего лидера бывшего российского премьер-министра Е. Примакова (который был в то время весьма популярен). Было очевидно, что эти региональные лидеры продвигают Примакова как будущего кандидата в российские президенты. Другими словами, существовавший с 1994 по 1998 г. альянс команды Ельцина и региональных лидеров к этому моменту иссяк.

В этой ситуации президентская команда под сомнительным предлогом террористических актов в Москве начала вторую чеченскую войну. Прибегнув к плагиату в части центристских лозунгов ОВР, образовался альтернативный центр («Единство»). Грязные информационные технологии и психологические манипуляции, которые были направлены против коммунистов в 1996 г., теперь оказались нацеленными на центристскую оппозицию. Было заявлено, что по распоряжению Лужкова убили владельца гостиницы «Славянская». По телевидению были показаны человеческие внутренности якобы в связи с хирургической операцией Примакова. Стоит, правда, отметить, что по сравнению с Лужковым и президентом Башкортостана Рахимовым, Шаймиев не давал каких-то заметных поводов для персональных атак на себя. Точно так же как коммунисты были удручены подобными атаками задолго до дня голосования в 1996 г., центристская оппозиция 1999 г. уже была деморализована по ходу парламентской избирательной кампании [78].

Кампания по выборам этой третьей Государственной Думы РФ, проводившаяся шаймиевцами, была необычной. Они не стали создавать отделения ОВР в Татарстане. Вместо этого прошаймиевская региональная политическая организация «Татарстан — новый век», созданная почти одновременно с ОВР, вела избирательную кампанию в Татарстане [79]. Несмотря на поражение в общенациональном масштабе, ОВР получило значительную поддержку в Татарстане. Более того, выборы в Госсовет РТ, проводившиеся в тот же день, дали результат, идентичный 1995 г. Парламент Татарстана

остался республиканским «элитным клубом» или собранием высшего «партхозактива». Для Шаймиева это было чрезвычайно важным в смысле выживания в решающие месяцы 2000–2001 гг.

После поражения ОВР его лидеры, включая Шаймиева, быстро примкнули к путинскому лагерю. И на этот раз стратегия личного выживания Шаймиева была «двойственной». С одной стороны, успешный для Путина исход президентских выборов в республике означал возможность его примирения с Шаймиевым. С другой стороны, Шаймиев довольно успешно воспользовался наиболее важными моментами из наследия побежденного движения ОВР, т.е. — корпоративной солидарностью региональных лидеров. Именно эта солидарность сделала неизбежными странные зигзаги централизаторских реформ Путина, которые были описаны в начале данного изложения.

После того как Путин приступил к своим централизаторским реформам, многие обозреватели отнеслись к третьему сроку шаймиевского президентства (нелегитимному с точки зрения федерального законодательства, но правомерному по законодательству Татарстана) как к пробному камню или оселку, по которому можно было судить о серьезности этих реформ. В конце ноября 2000 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект о поправках в Закон 1999 г. об общих принципах организации представительных и исполнительных органов власти в субъектах Российской Федерации, которые делали возможным для Шаймиева третий срок президентства [80]. Значительная часть депутатов выступила с возражениями против этих поправок, но после трех раз голосований (!) законопроект прошел первое чтение. Судя по опыту утверждения в Государственной Думе весной 1998 г. Сергея Кириенко премьер-министром, за сценой фигурировали громадные денежные суммы. Это было показателем того, насколько Путин нуждался в Шаймиеве. Несмотря на жаркие схватки 1999 г., за первый год путинского президентства сформировался симбиоз Путина и Шаймиева, не уступающий бывшему дружескому союзу Ельцин-Шаймиев.

Официальный татарский национализм не основывается на модели национального освобождения. Скорее он стремится оказать влияние на процесс государственного строительства России в качестве ее легитимной исторической составляющей. Об этом свидетельствует развитие татарстанского регионализма, процесс которо-

го распадается на четыре стадии. Первая — с 1988 г. до декларации о суверенитете, принятой в августе 1990 г., когда выдвигалось традиционное требование о «превращении в союзную республику», означавшее в тот период отделение от РСФСР. В течение второго периода — до августовского путча 1991 г. — руководство Татарстана отступило от этого традиционного требования, но активно откликнулось на политику Горбачева, связанную с «повышением статуса АССР». Однако в этот период государственное устройство Советского Союза стало столь аморфным, что «повышение статуса АССР» не обязательно означало отделение Татарстана от России.

Третий период охватывал отрезок времени от августовского путча 1991 г. до заключения договора о разграничении полномочий в 1994 г. В этот период партнерство по переговорам перешло от Советского Союза к России, у которой шаймиевцы отвоевали максимальные уступки в области полномочий. В это же время они добились сдерживания требований татарских радикальных националистов о независимости при помощи неопределенных контрпредложений — таких как «суверенитет» и «субъектность в международном праве». Четвертый период — от договора 1994 г. и до 1996 г. На этой стадии отношения Москва – Казань стабилизировались, а нормы, регулирующие эти отношения, стали восприниматься другими субъектами федерации. Первой нормой было правило тактичности в переговорах, согласно которому многосторонние форумы использовались для «декларативной дипломатии», а актуальные интересы преследовались в ходе двусторонних переговоров. Второй нормой было то, что электоральные возможности региональных руководителей стали восприниматься как решающий политический ресурс для склонения Центра к компромиссам. Давая пример другим субъектам федерации, политический режим Татарстана стал «моделью» в строгом смысле слова. Модель Татарстана консолидировала асимметричный федерализм в России и инициировала формирование централизованного касикизма в общенациональных масштабах, гарантировавшего победу Ельцина на президентских выборах 1996 г. Следовательно, чем больше упрочивался регионализм Татарстана, тем больше он интериоризировался режимом Ельцина. Регионализм Татарстана, проистекающий из его требования превращения в союзную республику (т.е. отделения от России), получил свое завершение в том, что обеспечил существенные, коренные принципы для режима Ельцина. Худо ли бедно — российский политический режим еще раз получил развитие путем «обучения у татар».

Режим в Татарстане основан на триединстве: на корпоративной солидарности элит, на устойчивой и невидимой избирательной машине и на системе назначения глав местной исполнительной власти. Эти три элемента интегрированы под сенью личности Шаймиева. Парадоксально, но у Путина, отстаивающего диктатуру закона, не остается иных альтернатив, кроме сохранения Шаймиева у власти, жертвуя при этом федеральными правовыми нормами. Возможная политическая турбулентность, которая была бы вызвана отставкой Шаймиева, сделала бы путинскую политику сдерживания (ограничение предоставления привилегированного статуса только Татарстану и Башкортостану) уязвимой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В этой статье представлены частичные результаты исследовательских проектов «Элиты в шести Средневолжских национальных республиках в РФ» (апрель 1998 – март 2000 г.) и «Региональная/субрегиональная политика в посткоммунистических странах» (апрель 1999 – март 2002 г.), финансируемых японским Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологии. Одна из научных командировок, предпринятых мною с декабря 1998 г. по январь 1999 г., была поддержана Японским обществом развития науки.

2. Казань была третьим университетским городом в Российской империи после Москвы и Дерпта (Тарту). Таким образом, Казанский университет, основанный в 1804 г., старше Харьковского (1804 г.), Санкт-Петербургского (1819 г.) и Киевского (1833 г.) университетов. Точно так же как Киевский университет был предназначен для деполонизации правобережной Украины, Казанский университет был основан для распространения «цивилизации» среди восточных народов империи.

3. Для обеспечения вновь возникающей нефтяной промышленности рабочей силой в 1950 г. Москва запретила в Татарии так называемый трудовой набор для промышленных предприятий за пределами республики. — *Kondrashov S. Nationalism and Drive for Sovereignty in Tatarstan, 1988–1992: Origins and Development* (L.; N.Y., 2000). P.2–3.

4. Регионы России: официальное издание / Госкомстат России. Москва, 1997. С.143.

5. Татары продолжали удерживать эту почетную позицию даже в советский период. Например, после русских и украинцев татары представляли третью наиболее крупную этническую группу в офицерском корпусе Советской Армии. Их производство в генералы, однако, было гораздо более затруднительным, чем для русских и украинских офицеров.

В итоге среди отставных офицеров-татар необычно много полковников. Когда русско-татарские отношения крайне обострились в 1992 г., татары часто шутили, что если бы пришлось создавать республиканскую армию, то они смогли бы построить великолепную армию, состоящую из отставных полковников-татар, до сих пор обиженных на проводившуюся по отношению к ним в Советской Армии дискриминацию.

6. Если представители центральных властей находят те или иные нормы из законодательства Татарстана более «прогрессивными», чем их аналоги из федерального законодательства, то они обещают приблизить федеральные законы к их аналогам в Татарстане. Это произошло в случае с координацией российского и татарстанского Земельных кодексов (Интервью с *М.Г. Галеевым* — членом президиума Государственного Совета РТ, ведущим представителем Татарстана в Координационной комиссии Кириенко, 20 декабря 2000 г., г. Казань).

7. Там же.

8. *Магомедов А.* Мистерия регионализма. М., 2000. С.98.

9. *Мухарьямов Н.* Республика Татарстан: Хроника политического процесса (1988–1998 гг.) / Ред. К. Мацузато // Регионы России: хроника и руководители. Т.7 (Occasional papers on the Elite of Mid-Volga Ethnic Republics, № 3). Екатеринбург, 2000. С.20–115.

10. *Kondrashov S.* Указ. соч.

11. *Магомедов А.* Указ соч.

12. *Гельман В. и др.* Россия регионов: Трансформация политических режимов. М., 2000. С.55. Как доказывает Гельман, не существует причинно-следственной взаимосвязи между тем, является режим состязательным или нет и тем, основан ли он на принуждении. Даже среди состязательных региональных режимов можно найти примеры — такие как Приморье и Закарпатье на Украине, — где общим местом стало использование полиции, прокуратуры и судов в политических целях. В то же время, это не характерно для Свердловской области и Удмуртии. Среди несостязательных режимов мы также можем наблюдать сходную дихотомию: склонность Башкортостана к принуждению и отсутствие склонности к принуждению (или отсутствие необходимости в этом) во внутриэлитных взаимоотношениях в Татарстане. Что касается неплюралистических режимов, то их опора на принуждение кажется, однако, признаком их слабости. Другими словами, режим Рахимова является более принудительным, чем режим Шаймиева, потому что первый слабее, чем последний.

13. *Kondrashov S.* Указ. соч. С.110.

14. *Shnirelman V.* Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia. Washington; D.C. – Baltimore; London, 1996. P.7, 22–26.

15. Это решение ЦК КПСС, однако, спровоцировало длительную полемику между ТАССР и Чувашской АССР, так как чувашаи до тех пор признавались потомками волжских булгар.

16. В качестве такой умеренной, официальной точки зрения см.: Поволжские татары // Народы европейской части СССР. М., 1964. С.634–639.

17. Точка зрения Золото-Ордынской школы сознательно выражена в кн.: *Хаким Р.* История татар и Татарстана. Казань, 1999.

18. Арбахан Магомедов отмечает, что калмыки также увязывают легитимность своего национализма с акцентированием их исторического (в основном военного) вклада в российскую государственность. См.: *Магомедов А.* Мистерия регионализма С.92–99.

19. По моему мнению, вместе с русскими и поляками татары представляли одну из трех величайших «имперских наций» в Российской империи. В противоположность этнологическим нациям, «имперские нации» постоянно создаются через усвоение населением господствующих в империи религии, языка и культуры. Другими словами, имперские нации обращают мало внимания на генетические или физио-антропологические факторы национальностей и, следовательно, имперские нации являются экспансивными по своей натуре, постоянно ассимилируя окружающее население. Суть здесь в том, что имперские нации остаются таковыми даже после того, как империи сами по себе — такие как Речь Посполита или Казанское ханство — прекращают существование.

20. *Geraci R.P.* Window on the East: Ethnography, Orthodoxy, and Russian Nationality in Kazan, 1870–1914. Ph.D. dissertation. University of California at Berkley. 1995. P.5.

21. *Moukharlamov N.M.* The Tatarstan Model: A Situational Dynamic // *Stavrakis P.J.* et al. Beyond the Monolith: The Emergency of Regionalism in Post-Soviet Russia / Ed. Washington, D.C. – Baltimore; London, 1997. P.216.

22. Журнал отдела пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС «Слово агитатора» немедленно опубликовал учредительные тезисы ТОЦ.

23. Вечерняя Казань. 1990. 12 апр. С.1.

24. Интервью с З.Р. Валеевой — вице-спикером Госсовета РТ (1 июля 1999 г., г. Казань) и Р.З. Алтынбаевым — заместителем министра сельского хозяйства РФ, бывшим мэром Набережных Челнов (3 июля 1999 г., г. Москва).

25. *Мустафин Р.А., Хасанов А.Х.* Первый президент Татарстана Минтимер Шаймиев. Казань, 1995. С.12–13.

26. Кто есть кто в Республике Татарстан. Вып. 2, доп. по состоянию на 1 июля 1996 г. Казань, 1996. С.5.

27. В Казани проживает лишь 28% населения республики.

28. В Уфе проживает 27% населения Башкортостана.

29. Например, Рустам Минниханов — премьер республики с 1998 г., родился в 1957 г. Другое объяснение «молодости» элит в Татарстане со-

стоит в том, что Шаймиев опасается поколения, которое чуть моложе его (рожденных в 1940 г.) как потенциальных соперников и, таким образом, делает ставку на более молодое поколение — немногим старше сорока.

30. Внутриэлитные конфликты сами по себе существовали в период до октябрьских событий 1993 г., но не хватало стремления к решению этих конфликтов через выборы. Вместо этого — и президентская, и просоветская фракции связывали надежды с институциональным каркасом, сложившимся в достаточно случайной обстановке весной 1990 г. Это привело к трагическому октябрьскому инциденту, в ходе которого потоки крови были пролиты не совсем впустую: они преподали российским элитам урок на предмет той цены, в которую обходятся сомнения насчет разрешения конфликтов через выборы.

31. Согласно изданию «Кто есть кто в Татарстане» от 1996 г., 32 главы районных администраций (75%) получили сельскохозяйственное и ветеринарное образование (даже не считая так называемого «второго высшего образования»). В определенном смысле это может показаться естественным для районов, в которых на сельское население приходится значительная доля. Однако ситуация с главами объединенных администраций городов-районов, в которых городское население составляет подавляющее большинство, является такой же: 7 из 11 глав администраций таких объединенных территорий (64%) являются должностными лицами с сельскохозяйственным и ветеринарным образованием. Более того, эта цифра составляет 64% только потому, что Елабужский объединенный (городской и районный) Совет оказал отчаянное сопротивление назначению Шаймиевым бывшего главы Елабужского района в то время, когда происходило слияние (интервью с Игорем Жуковым — заместителем председателя Елабужского объединенного Совета, 11 января 1999 г., г. Елабуга). Если бы это сопротивление закончилось неудачей, то 8 из 11 глав администраций объединенных территорий (73%) были бы чиновниками с сельскохозяйственным и ветеринарным образованием. Вспоминая о своем детстве, Шаймиев говорит: «Я считаю, что самые лучшие, надежные кадры вырастают в деревне. ...Почему? Потому что они получают настоящее трудовое воспитание. Вот у меня, скажем, с раннего детства, сколько помню себя, был четкий круг обязанностей» (*Мустафин Р.А., Хасанов А.Х. Первый президент... С.14*).

32. Я ссылаюсь на такие партии, как «Демократическая Россия» и «Яблоко».

33. Например, если директор государственного предприятия был татарин, то почти всегда русский назначался на пост секретаря партийной организации предприятия и наоборот.

34. Доводы из этого раздела развернуты в моей статье: *From Communist Boss Politics to Post-Communist Caciquismo – the mesoelite and meso-*

government in postcommunist countries // *Communist and Postcommunist Studies*. Vol.34 (2000). No.2. P.175–201.

35. Относительно происхождения термина «касикизм» см.: *The Caciques: Oligarchical Politics and the System of Caciquismo in the Luso-Hispanic World* / Ed. R. Kern, R. Dolkart. Albuquerque, 1973. P.7–8.

36. Местные институты в Татарстане регулируются двумя практически одновременно принятыми в ноябре 1994 г. законами: Закон РТ «О местных органах государственной власти и управления» и Закон РТ «О местном самоуправлении». Правда, мои полевые исследования, проведенные в январе 1999 г. в сельсоветах (сельских округах) Альметьевского и Елабужского районов (в восточной части Татарстана), выявили, что главы этих сельских самоуправлений выбраны демократично. Однако эти села даже не образуют своего бюджета. Это неудивительно, так как сельсоветы слишком малы для этого. Как правило, население российских сельских округов составляет лишь несколько сотен человек. Таким образом, села России ближе к ТОСам (территориальное общественное самоуправление), чем к местному самоуправлению даже по российской терминологии.

37. Статья 27 Закона о местных органах...

38. *Руденко В.Н.* Модернизационные вызовы и экономико-правовые ответы уральского регионального сообщества // Ed. *Russian Regions: Economic Growth and Environment* / Т. Murakami and Sh. Tabata. Sapporo, 2000. P.145–146.

39. Воля и выбор народа: выборы президента Республики Татарстан 24 марта 1996 г.: Документы, материалы, итоги. Казань, 1996. С.162.

40. См., например, аргументы Шаймиева во время его избирательной кампании в 1996 г: Воля и выбор народа. С.162.

41. *Егоров И., Маузузато К.* Удмуртская Республика: хроника политического процесса (1988–1999 гг.) // *Регионы России: хроника и руководители*. Т.7. С.272–273.

42. Интервью, 10 января 1999 г., г. Казань.

43. Интервью, 4 января 1999 г., г. Казань.

44. Мое критическое отношение к этой точке зрения выражено в статье: *Matsuzato K.* Local Reforms in Ukraine, 1990-1998: Elite and Institutions // *The Emerging Local Governments in Eastern Europe and Russia: Historical and Post-Communist Development* / Ed. O. Ieda Hiroshima, 2000. P.25–54.

45. Население города Альметьевска — около 140 тысяч, тогда как в пределах района проживает примерно 36 тысяч. В 1992 г. город и район были объединены. Ландшафт города выглядит гораздо более грандиозным, чем, к примеру, в Ижевске или Саранске (столицах Удмуртии и Мордовии). На нефтяные деньги построена огромная мечеть — как утверждается, самая большая в Восточной Европе. Требования относительно

но муниципализации города особенно настойчиво выдвигались Ильдусом Галеевым — главой администрации города в 1992–1998 г. Тенденции превращения нефтедобывающих районов в защитников муниципальной идеи наблюдались также в Удмуртии (Караклинский район), что неудивительно.

46. См. статью Алтынбаева «Местное самоуправление как институт публичной власти», опубликованную в газете «Республика Татарстан» (12 марта 1999). Население города Набережные Челны составляет 530 тысяч, и северо-восточная часть Татарстана — город Елабуга — экономически тяготеет к нему.

47. Интервью с А.А. Галиакберовой — заместителем главы администрации Набережных Челнов (29 июня 1999 г., г. Набережные Челны).

48. Интервью с Г.А. Исаевым — руководителем отдела социально-политического анализа и исследования общественного мнения (4 января 1999 г., г. Казань).

49. Интервью, 11 января 1999 г., г. Елабуга. До революции 1917 г. город Елабуга принадлежал Вятской губернии (приблизительное расположение — нынешняя Кировская область), и даже сегодня русское население здесь преобладает. Следовательно, городские власти настроены критически по отношению к республиканским властям.

50. Интервью, 5 января 1999 г., г. Казань. Прошаймиевское региональное политическое движение «Татарстан — новый век», возникшее под эгидой Р. Хакимова, отстаивает эту позицию. Интервью с В.А. Скребневым — лидером исполнительного комитета политсовета движения «Татарстан — новый век», 21 и 22 декабря 2000 г., г. Казань.

51. В январе 1994 г., отвечая на вопросы газеты «Советская Татария», Шаймиев сказал: «... жители Татарстана — все, независимо от национальности, — до начала референдума желают получить четкие представления о характере и формуле взаимоотношений Российской Федерации и Республики Татарстан. ... То есть референдум можно провести формально, а по существу он может не состояться, не дать результатов» (*Мухарямов Н.* Республика Татарстан... С.54–55).

52. Эти электоральные данные взяты из: Аналитическое управление президента Российской Федерации. Российские регионы накануне выборов-95. Москва, 1995). С.35, а также: *Мухарямов Н.* Республика Татарстан...

53. Известия Татарстана. 1994. 16 марта. С.1.

54. Так как Шаймиев был избран президентом в тот же день (12 июня), что и Ельцин в 1991 г., эти выборы были проведены почти на три месяца раньше. Такое намерение было связано с предотвращением влияния на выборы президента Татарстана возможной победы Зюганова на рос-

сийских президентских выборах. Аналогичная попытка была предпринята Константином Титовым — самарским губернатором, хотя и без успеха.

55. Официально эта норма о «семи процентах» предназначена для того, чтобы не допустить к участию в выборах кандидатов, поддерживаемых только на территории республики с доминированием русских или татар, то есть кандидатов, представляющих потенциальную опасность для межэтнического сосуществования. Схожая норма существует в некоторых других регионах России и, например, на Украине в целом (также испытывающей последствия неравномерного территориального распределения этнических групп). Несмотря на это, было бы слишком наивным не видеть того факта, что статья о семи процентах была предназначена для того, чтобы дать преимущество действующему президенту.

56. Сам Шаймиев смог набрать при таких жестких условиях только 135 тысяч подписей (Воля и выбор народа. С.117). В 1991 г., баллотировавшись в президенты, он собрал более 200 тысяч подписей (Советская Татария. 1991. 25 мая. С.2), хотя в то время его позиции были гораздо более шаткими, чем в 1996 г.

57. Цитированное ранее интервью, 5 января 1999 г.

58. Ельцин и Зюганов набрали 38,3 и 38,1% соответственно // Центральная избирательная комиссия. Выборы президента Российской Федерации 1996: электоральная статистика. М., 1996. С.208. Несколько источников оценивают даже этот скромный результат как продукт массовой фальсификации.

59. *Young J.F.* The Republic of Sakha and Republic Building: The Neverendum of Federalization in Russia / Ed. K. Matsuzato // *Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. Towards a Discipline of Regionology.* Sapporo, 2000. P.177–207.

60. Ельцин и Зюганов набрали 61,5 и 32,3% соответственно (Выборы президента... С.208).

61. Профессор права. Родился в 1952 г., окончил юридический факультет Казанского университета в 1975 г. Преподаватель Казанского университета с 1978 г., в 1980-е гг. также читал лекции в Гвинее-Бисау и на Мадагаскаре. Заведующий отделом Татарского обкома КПСС с 1988 г. Вице-президент Татарстана в 1991–1995 гг. (Кто есть кто. С.7). Спикер Госсовета РТ с 1995 г., а также вице-спикер Совета Федерации РФ с 1996 г.

62. Родился в 1947 г. Окончил Уфимский нефтяной институт и Саратовскую высшую партийную школу. Работал в Алметьевске секретарем горкома комсомола, а впоследствии — горкома партии. Второй секретарь горкома КПСС с 1987 г. Председатель горисполкома в 1988–1989 гг. Первый секретарь горкома партии в 1990 г. (Кто есть кто. С.6).

63. Родился в 1957 г. Окончил Казанский сельскохозяйственный институт в 1978 г. и Казанский филиал Московского института советской торговли в 1986 г. Работал в районной потребительской кооперации с 1983 г. Председатель Арского райисполкома в 1990–1992 гг. Заместитель главы администрации Арского района в 1992–1993 гг. Глава администрации Высокогорского района с 1993 г. Профессиональный автомобильный гонщик в свободное время. Такое «хобби» требует значительных денег, и поэтому общественное мнение настроено критично по отношению к этому.

64. Родился в 1948 г. Окончил Казанский химико-технологический институт в 1971 г. и начал работать в Набережных Челнах. После работы комсомольским секретарем в 1976 г. он получил должность в Автозаводском районном комитете КПСС этого города. С 1987 г. был вторым секретарем городского комитета КПСС. После демократических выборов в Советы весной 1990 г. был избран председателем горисполкома (Кто есть кто. С.73). Работая мэром, защитил докторскую диссертацию по социологии. В 1995 г. он вошел в число «десяти лучших мэров России».

65. Андрей Сусаров доказывает наличие разногласий между Шаймиевым и Алтынбаевым по вопросам национальной политики; другими словами, Алтынбаев в большей степени татарский националист, чем Шаймиев (Татарстан в 1998 г. / Под ред. Н. Петрова // Регионы России в 1998 г. М., 1999. С.251–252). Однако доводы Сусарова в пользу этого выглядят слабыми.

66. Интервью с Алтынбаевым, цитировавшееся ранее; Вечерняя Казань. 1998. 29 мая. С.2; Казанское Время. 1999. 13–19 янв. С.7.

67. Вечерняя Казань. 1998. 29 мая. С.2.

68. Имущество завода находится в собственности Европейского банка, Федерального фонда имущества и в значительно меньшей степени — правительства Республики Татарстан, поэтому городские власти имеют немного возможностей для вмешательства в управление заводом. См. статью, написанную самим Алтынбаевым: Беда КамАЗа — в потере управляемости. Но не все безнадежно // Время и деньги. 1999. 3 марта. С.1, 2.

69. Вечерняя Казань. 1999. 9 апр. С.1.

70. Интервью, 3 июля 1999 г. Москва. Я подтвердил его волю, задав вопрос: «Но Шаймиев достигнет почти 70-летнего возраста в конце своего третьего срока!?!». Алтынбаев возразил: «Сколько лет корейскому президенту?!». Я ответил: «Мы — восточные азиаты — старше медленнее. Нас с вами нельзя сравнивать». Улыбаясь, Алтынбаев сказал: «Мы тоже азиаты».

71. Всемирный конгресс татар стал постоянно действующей организацией. В 1998 г. он получил собственное здание, расположенное напротив здания правительства по другую сторону центральной площади Казани. Эта штаб-квартира «Татарского интернационала» связана через Ин-

тернет с бесчисленными татарскими организациями в разных странах всего мира. Интерьер здания — это просто небольшой дворец, его этажи выстланы мрамором. Хотя и удовлетворяя некоторым эстетическим чувствам, это здание порождает вопрос: насколько конгресс может быть воспринят в качестве «общественной» организации.

72. В этот период Геннадий Бурбулис представлял федеральные власти на переговорах с Татарстаном. Вначале он был тверд, но, поняв, что шаймиевцы стремятся к асимметричной федерации, но не к независимости Татарстана, его позиции смягчились (цитировавшееся ранее интервью с Хакимовым, 5 января 1999).

73. Цитировавшееся интервью с Хакимовым, 5 января 1999.

74. *Moukharimov N. The Tatarstan Model. P.221.*

75. Казанские ведомости. 1995. 17 февр. С.2.

76. Что касается этнического состава избранного в 1995 г. Государственного Совета, то 74% — это татары, 24% — русские. Очевидно, что татары чрезмерно представлены в парламенте. *Мухарьямов Н. Республика Татарстан... С.70.*

77. Интервью, 5 января 1999 г. Казань. Сам факт того, что официальный работник президентской администрации может говорить так искренне, свидетельствует о серьезном потенциале демократизации в Татарстане.

78. Интервью со Скребневым, цитировавшееся ранее.

79. Там же. Эта организация — зародыш правящей партии в Татарстане — была создана под эгидой Рафаэля Хакимова (советника Шаймиева) и Фариды Мухаметшина (председателя Госсовета) и должна была функционировать независимо от «партии администрации».

80. Договор между Российской Федерацией и Татарстаном (1994) о разграничении полномочий относит создание региональных институтов к области исключительного ведения Татарстана (в противоположность Конституции РФ, которая относит этот вопрос к сферам «совместного ведения»). Регионалисты в Татарстане полагают поэтому, что М. Шаймиев имеет право баллотироваться на третий срок, независимо от каких-либо поправок к федеральному законодательству. (Интервью с Хакимовым, 22 декабря 2000 г., цитировавшееся ранее).